

Евгения Александровна Вахрушева

кандидат политических наук,
младший научный сотрудник отдела философии
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: snowdrop7j@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-8838-2749

КОРРУПЦИЯ И АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В ЕГИПТЕ ДО И ПОСЛЕ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»: В ЗАМКНУТОМ КРУГЕ ЕГИПЕТСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

В статье анализируется совокупность факторов, детерминировавших развитие коррупции в Египте в постколониальный период его истории, с учетом специфики общественно-политической ситуации до и после событий «арабской весны», которая представляется в качестве попытки окончательного разрыва с колониальным прошлым и преодоления постколониальной инерции. Показано, что структурные предпосылки проблемы коррупции в условиях современного Египта обусловлены, главным образом, формированием санкционированной государством асимметричной системы рентных привилегий и рентно-сословного общества. Ее центр составляет военное сословие, в котором правительство видит свою главную опору в «игре с нулевой суммой», где второй стороной противостояния являются антимодерные исламистские силы, угрожающие самому существованию государства. В этой связи автор утверждает, что решение проблемы египетской коррупции замкнуто в кольце противоречий и апорий специфической ситуации современного Египта, который преодолевает сложный путь от постколониального государства к государству современному и который имеет дело с постоянным сопротивлением антимодерных сил. Вынужденное в условиях этого перманентного противостояния опираться на свой наиболее устойчивый современный институт – армию и наиболее мобилизованное военное сословие, государство санкционирует формирование крайне асимметричной системы рентных привилегий, которая обеспечивает ему относительную стабильность. Таким образом, будучи основанным на хрупком консенсусе между политическими и военными элитами, в своем движении к современному состоянию египетское государство продолжает воспроизводить себя как естественное государство (Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгаст), неотъемлемым элементом которого является коррупция. В результате оно фактически оказывается в замкнутом

круге, поскольку решение проблемы коррупции, составляющее важное условие здорового функционирования современного государства, для него возможно лишь через преодоление сложившегося сословного порядка и перехода от рентных механизмов распределения ресурсов к рыночным. Вместе с тем автор приходит к выводу, что, подорвав систему рентных привилегий и лишившись лояльности военного сословия, египетское государство способно поставить под угрозу собственное существование.

Ключевые слова: Египет, постколониальное государство, современное государство, антимодерные силы, «арабская весна», коррупция, антикоррупционная политика, военное сословие, рентно-сословное общество, система рентных привилегий.

На протяжении всей постколониальной истории Египта коррупция являлась и по-прежнему остается неотъемлемой частью политико-экономического порядка арабского государства. Тот факт, что обе египетские революции постколониального периода, нацеленные на радикальную смену политического режима, – и «Июльская революция» 1952 г., и так называемая «арабская весна» 2011 г. – были ознаменованы антикоррупционными лозунгами (Jankowski 2001: 41; Peleg, Mendilow 2014), но не привели к сколько-нибудь существенному улучшению коррупционной ситуации в стране, свидетельствует о структурном характере проблемы коррупции и ее глубокой укорененности в общественных практиках. Безусловно, в каждом обществе эта проблема имеет свои социальные предпосылки, свою констелляцию факторов, детерминирующих его коррупционный габитус (что, однако, вовсе не исключает возможность разработки типологий и классификаций таких габитусов). Цель настоящего исследования как раз и состоит в выявлении и анализе структурных предпосылок, формирующих коррупционный габитус современного Египта, и его концептуализации. Гипотеза, которую нам предстоит здесь проверить, заключается в том, что ключевые факторы, определяющие габитус египетской коррупции, лежат в четырех пересекающихся между собой плоскостях – онтологической, социальной, политической и правовой. Необходимо отметить, что в ходе исследования мы попытаемся избежать позитивистской установки на разделение всей сложной ткани общественных отношений на герметичные части и будем рассматривать эти плоскости лишь как измерения единого многогранного пространства социальной реальности.

Иными словами, мы придерживаемся обоснованного современным марксистским теоретиком Фредриком Джеймисоном фундаментального методологического принципа тотализации, который в условиях невозможности «схватить» историю во всей ее целостности позволяет сделать видимыми связи, объективно существующие между ее разрозненными фрагментами (Кондрашов, Вахрушева 2015: 195-196).

Наряду с обозначенным ракурсом анализа коррупционную ситуацию в Египте также необходимо, в большей или меньшей степени, представить в трех исторических срезах: колониального прошлого и постколониальной ситуации до и после «арабской весны». Обращение к постколониальному дискурсу и понятийному полю, составляющему его основу, имеет принципиальное значение, поскольку колониальное наследие во многом по-прежнему определяет специфику ситуации в современных арабских странах, пустив глубокие корни в социальную ткань арабских обществ и пронизав институциональную оболочку молодых постколониальных государств. Собственно говоря, всю их новейшую историю можно рассматривать как непрерывный внутренний диалог со своим колониальным наследием, который усложняется множественностью интерпретаций «проклятого наследия» со стороны различных фракций, составляющих данные высокосегментированные общества. Это ожидание разрыва, отторжения выразил ведущий современный иранский философ Хамид Дабаш, который в своей одноименной работе оптимистично назвал «арабскую весну» отсроченным вызовом европейскому колониализму и его постколониальному шлейфу (Dabashi 2012: 2).

Коррупция, подобно прочим социальным институтам современного Египта, несет на себе отпечаток колониального прошлого и многочисленных попыток его преодолеть. Очевидно, что «арабская весна» не открыла большинству арабских обществ выход из состояния постколониальности; не позволила она и сколько-нибудь радикально изменить коррупционную ситуацию в арабских странах, в том числе и в Египте. Отсутствие позитивной динамики в преодолении проблемы коррупции в Египте наглядно демонстрирует изменение Индекса восприятия коррупции (*Corruption Perceptions Index*) на временном отрезке с 1996 по 2017 г. Так, через 15 лет от начала президентского

срока Хосни Мубарака (1981–2011) в соответствующем рейтинге, составленном неправительственной международной организацией *Transparency International*, страна занимала 41-е место по уровню коррумпированности среди 54 стран (TI Corruption Perception Index 1996); в начале «арабской весны» она переместилась на 112-е место (из 183 стран) (Corruption Perceptions Index 2011) и в настоящее время занимает уже 117-ю позицию в рейтинге (Corruption Perceptions Index 2017).

Онтологические противоречия политической современности постколониального Египта. Современный Египет, так же как и большинство других арабских стран, представляет собой политическое сообщество постколониального типа, в котором «тонкая современная оболочка» (Мартьянов 2017), сформированная в условиях колониализма или под влиянием его наследия, наслаивается на традиционные социальные структуры, институты и верования. Важнейшей характеристикой таких постколониальных обществ становится онтологическая асимметрия и разнопорядковость различных элементов их социальной, политической и духовной подсистем. Будучи фундаментальными в различных онтологических основаниях, эти элементы находятся в состоянии перманентного конфликта друг с другом, который обуславливает дисфункциональность постколониальных сообществ. Основной же конфликт здесь разворачивается вокруг государства, являющегося самым очевидным и самым противоречивым наследием колониального прошлого.

Следует обозначить ключевую структурную предпосылку этого конфликта, непосредственно обусловленную природой самого постколониального государства. Она может быть выведена из марксистского анализа постколониального государства, осуществленного авторитетным пакистанским теоретиком Хамзой Алави. Используя марксистские понятия структуры и суперструктуры (базиса и надстройки), Х. Алави подчеркивает принципиальное несоответствие суперструктуры постколониального общества его эндогенной структуре. Он доказывает, что, будучи созданной метрополией в своих целях, колониальная суперструктура была укоренена в структуре метрополии и, как следствие, отчуждена от собственной эндогенной структуры; это отчуждение сохраняется и после разрыва с метрополией и получения независимости бывшими колониальными обществами (Alavi 1979: 40-41).

В веберовском смысле это отчуждение означает глубокую и системную нехватку легитимности у институтов постколониального государства, которое различными социальными группами продолжает восприниматься как нечто искусственное, чуждое и враждебное. В случае Египта, как и большинства других стран региона, проблема легитимности приобретает особую остроту ввиду наличия устойчивых и влиятельных сил, идеология которых фундирована в исламе и которые на протяжении всей постколониальной истории страны с той или иной степенью радикальности пытались оспорить правомочность государства в его современном виде (Иванова 2011). Так, наиболее влиятельная религиозно-политическая организация «Братья-мусульмане»¹, возникшая в Египте еще в 1928 г. (Mitchell 1993) и являющаяся мощной политической силой в этой стране и по сей день, фактически с момента провозглашения республики в 1953 г. находилась в состоянии жесткой конфронтации со светским политическим режимом и выступала в качестве его наиболее опасного конкурента. Уже с первых лет существования независимой египетской республики в отношении «Братьев-мусульман» была избрана стратегия исключения из политической жизни: организация была запрещена в 1954 г. и находилась под официальным запретом вплоть до «арабской весны», когда в 2011 г. впервые в египетской истории была зарегистрирована данная политическая партия (Царегородцева 2017: 129). На этом большом временном отрезке тактика сторон противостояния – государства и исламистов – периодически менялась в зависимости от политической конъюнктуры: государство допускало к выборам в парламент отдельных представителей «Братьев-мусульман», которые, в свою очередь, периодически дрейфовали от радикальных методов борьбы к умеренным. Однако фундаментальные установки обеих сторон противостояния оставались неизменными: государство, при всех оговорках и заигрывании с политическим исламом, сохраняло курс на построение современного государства, в то время как исламисты в конечном счете боролись за исламизацию государства, его институтов, права и идеологического аппарата.

Необходимость создания устойчивого государственно-политического аппарата и политической системы в условиях непростого

¹ Организация запрещена на территории Российской Федерации.

переходного периода от колониального строя к независимому государству и перманентного внутреннего противостояния с консервативными антимодернистскими силами во многом обусловила траекторию развития Египта. Обозначившись во время президентства Г.А. Насера (1956–1970) и Анвара Садата (1970–1981), эта траектория получила закрепление при Хосни Мубараке и остается устойчивой даже после «арабской весны».

Следуя далее за аргументацией Х. Алави, надлежит охарактеризовать оформившееся в постколониальном Египте государство как «сверхразвитое» (*over-developed*) (Alavi 1979), которое является таковым в связи с фундаментальной асимметрией между уровнем развития эндогенной структуры и унаследованной от метрополии несоизмеримо более развитой суперструктуры (государственного аппарата), о чем уже сказано выше. Важнейшей особенностью такого государства является широкая автономия его аппарата, представленного сильной военно-бюрократической олигархией, которая становится не только центром всей политической системы, но и могущественным и достаточно самостоятельным экономическим актором. Государство в постколониальном обществе, как отмечает Алави, напрямую присваивает значительную часть экономического излишка и использует его в экономической деятельности, управляемой бюрократическими методами, во имя развития экономики (Alavi 1979).

На египетской почве эти структурные предпосылки способствовали становлению такой системы, которую ведущий египетский исследователь Назих Н. Аюби охарактеризовал как корпоративистское государство (Ayubi 1996). Среди ключевых особенностей данного типа государства Аюби выделяет следующие: 1) чрезмерная роль государства в экономике; 2) слабость общественных классов, ни один из которых не может взять на себя роль гегемона; 3) применение государством, которое в обозначенных условиях становится гегемоном, стратегий включения – в отношении важных для себя социальных групп и стратегий исключения – в отношении других групп (Ayubi 1996). За время существования независимого египетского государства спектр включенных и исключенных групп, безусловно, менялся под влиянием различных обстоятельств, однако неизменным оставалось ядро «включенных» привилегированных групп, которым являлась армия.

Военное сословие в системе рентных отношений в Египте до и после «арабской весны». В современном египетском государстве, возникшем в результате «Июльской революции» 1952 г., инициатором которой выступила организация «Свободные офицеры», совершившая военный переворот, именно армия явилась наиболее модернизированной и мобилизованной силой. Она обеспечила фундамент для нарождающегося политического режима и стала основным ресурсом для формирования бюрократического аппарата государства и его элиты. Наметившийся уже во время президентства Г.А. Насера тренд на милитаризацию государственного аппарата зафиксировали многие исследователи (Аюби, Декмеджян, Хиннебуш и др.) (Ayubi 1996; Dekmejian 1971; Hinnebusch 1983). Так, Хиннебуш указывает, что представители армейских кругов при Насере составляли до 1/3 всей политической элиты и удерживали в своих руках 40% министерских портфелей (Hinnebusch 1983: 34). Ставка на военных как главного двигателя модернизации выражалась, в числе прочего, в усилении влияния армии на экономику. Как отмечает Шана Маршалл, в этот период «ресурсы государства передавались армии, чьи инженеры и подрядчики играли ведущую роль в реализации проектов по мелиорации земель, развитию общественной инфраструктуры, снабжении (населения) основными товарами, производстве бытовой техники и электроники, промышленных и сельскохозяйственных ресурсов, таких как сталь и удобрения. Высокопоставленные члены офицерского корпуса также возглавляли фабрики, замещая их бывших гражданских управляющих. Присутствие этих военных управленцев на различных государственных и квазипубличных предприятиях способствовало появлению влиятельной клиентуры, готовой поддерживать сохранение присутствия Египетских Вооруженных Сил в экономике» (Marshall 2015: 4).

Положение военных несколько изменилось при следующем Президенте Египта, Анваре Садате, который, заботясь об укреплении своего режима, предпринял попытки сократить влияние армии на политическую сферу, что в целом закономерно для перехода к постреволюционной фазе развития государства (Hinnebusch 1983: 36) и общего тренда на деполитизацию государственного аппарата. Однако, несмотря на изменение каналов рекрутирования элиты в данный период, военные смогли

сохранить свои позиции в экономике, воспользовавшись возможностями инициированной А. Садатом в 1974 г. политики «открытых дверей» («Инфитах»).

Возглавивший страну после убийства А. Садата Президент Х. Мубарак (1981–2011) восстановил и укрепил позиции армии в экономике и государственном управлении. «Мубарак приветствовал широкое участие военных в экономическом развитии государства и их миссию главного гаранта внутренней стабильности. Он контролировал взаимодействие между правительством и армией, что позволяло последней располагать внушительной долей правительственного бюджета, контролировать деятельность правительств в различных сферах и оказывать значительное влияние на внутреннюю политику» (Satloff 1988: vii). В значительной степени этот «разворот» в сторону армии был обусловлен усилением влияния исламистских организаций еще в годы правления А. Садата, а также обнаружившейся ненадежностью и недостаточным профессионализмом парамилитарных служб, которые были призваны стать альтернативным гарантом безопасности политического режима (Arafat 2017: 47-49). Именно во время президентства Х. Мубарака военные закрепили за собой наиболее обширные экономические и политические преференции в обмен на лояльность режиму, фактически превратившись в автономное привилегированное сословие, неподконтрольное правовой системе. На основе исследования, осуществленного Хишамом Бу Нассифом, можно выделить несколько ключевых факторов, обеспечивших широчайшую систему привилегий военного сословия.

1. *Наличие хорошо развитого военного сектора экономики, являющегося важной частью египетской экономики в целом.* Данный сектор подконтролен таким ведущим военным ведомствам, как Министерство обороны и военной промышленности, Арабская организация индустриализации и Национальная организация сервисных проектов, в ведении которых на 2011 г. находилось суммарно 35 предприятий, производивших продукцию не только военного, но и гражданского назначения. Так, продукция гражданского назначения составляла до 40 % от общего объема продукции, производимой предприятиями Министерства обороны и военной промышленности, до 70% и 100% от объема продукции, производимой предприятиями Арабской

организации индустриализации и Национальной организации сервисных проектов соответственно (Nassif 2013: 526). Более того, как отмечает Х.Б. Нассиф, экономическая деятельность армии не подпадала под контроль ни парламента, ни других контролирующих органов в силу необходимости соблюдения военной тайны (Nassif 2013: 526), что, безусловно, создавало благоприятную среду для извлечения личной выгоды высокопоставленными должностными лицами, а также предпосылки для развития коррупционных отношений внутри сектора.

2. *Получение военными прямых денежных выплат из средств бюджета*, которые, по сути, превратились в «вознаграждение за лояльность» (*alawat wala*) (Nassif 2013: 527). Планируемые в государственном бюджете на случай чрезвычайных ситуаций, катастроф и других обстоятельств, затрагивающих государственную безопасность, эти средства частично передавались высшим чинам армии и полиции, которые затем по своему усмотрению могли перераспределять их среди нижестоящих чинов. Данная практика также получила известность как выдача «конвертов лояльности» (*zuruf wala*) (Nassif 2013: 528). Как утверждает Х.Б. Нассиф, «за тридцатилетнее правление Мубарака парламент ни разу не затрагивал эти практики, равно как и не предпринимал попыток выяснить, каким образом расходуются средства фондов (предназначенных на чрезвычайные нужды)» (Nassif 2013: 528).

3. *Контроль над военными контрактами, обеспечиваемыми за счет финансовой помощи США Вооруженным силам Египта*. Согласно указанным программам помощи финансовые средства, выделяемые американской стороной египетской армии, должны были расходоваться на приобретение вооружений, производимых предприятиями США, однако в вопросе выбора поставщика военные обладали полной автономией, что позволяло им заключать теневые сделки с выгодными партнерами в целях личной наживы и получения «откатов» (Nassif 2013: 528).

4. *Устойчивая практика назначений высших военных чинов в отставке на руководящие должности в администрациях провинций и городов, в государственной бюрократической системе и государственных компаниях*. К примеру, согласно данным Х.Б. Нассифа, из 156 губернаторов, назначенных на свои должности в период правления Мубарака, 63 были представителями военной верхушки (Nassif 2013: 516). Бывшие военные работали руководителями

как профильных, так и непрофильных министерств и компаний, вследствие чего их влияние распространилось на такие стратегические и прибыльные сферы, как морские перевозки, жилищное строительство, промышленность, информационные технологии, нефтяная отрасль и т.д. (Nassif 2013: 516-525). Благодаря сложившейся системе назначений, военному сословию удалось занять доминирующие позиции в ключевых сферах государственного управления и экономики и удерживать под своим контролем наиболее прибыльные и перспективные проекты.

Таким образом, очевидно, что за время президентства Х. Мубарака военные окончательно сформировались в наиболее привилегированное сословие египетского корпоративистского государства, играя доминирующую роль в системе рентных отношений, созданных и легитимированных государством. В обмен на свою лояльность режиму они получили доступ к основным каналам дистрибуции ресурсов, а также санкционированную возможность извлекать статусную ренту из выгодных позиций, занимаемых военными на различных участках экономики и государственного управления. Как отмечает Галяль Амин, если при Г.А. Насере и А. Садате госслужащие еще испытывали некоторый энтузиазм по поводу своих должностных обязанностей, то при Х. Мубараке они руководствовались уже лишь личной выгодой (Amin 2011: 16-17). В свою очередь режим, в целях собственного выживания ориентируясь на корпоративистскую модель государства с преобладанием обменов дистрибутивного типа, обрек еще слабое постколониальное государство на архаизацию (Мартьянов 2016b), которая в специфических условиях Египта чревата его коллапсом. В результате возникает парадоксальная ситуация, при которой в условиях «игры с нулевой суммой», где второй стороной противостояния выступают антимодерные силы, государство закономерно делает ставку на свой самый устойчивый модерный институт – армию, но возникающая при этом уродливая и крайне ассиметричная система рентных отношений препятствует полноценному и столь необходимому развитию прочих современных институтов государства.

Вместе с тем драматические события «арабской весны» наглядно продемонстрировали, что выбранная режимом стратегия является неэффективной не только с точки зрения це-

лей развития современного государства, но и в плане целей выживания самого режима. Как показывает А.А.-Д. Арафат, в ходе этих событий в своем решении не поддерживать Х. Мубарака военные круги руководствовались прежде всего мотивом самосохранения и боязнью потерять влияние, нежели этическими соображениями. Исследователь полагает, что экономическая, институциональная и правовая автономия военного сословия, сложившаяся при Х. Мубараке, давала им уверенность в своей способности сохранить привилегии с этим лидером или без него и тем самым стала одним из основных факторов, детерминировавших их политическую позицию (Arafat 2017: 53).

Развитие ситуации в Египте в постреволюционный период свидетельствует, что доминантой политической мотивацией военного сословия остается защита и укрепление своего привилегированного положения в системе рентных отношений. Так, даже в период президентства Мухаммеда Мурси (2012–2013), представлявшего Партию свободы и справедливости, созданную организацией «Братья-мусульмане» – извечным противником армии, военные взаимодействовали с новым режимом, но лишь до тех пор, пока он не затронул рентные привилегии военного сословия, что особенно ярко проявилось в ситуации с контролем над одним из ключевых мегапроектов – над проектом по развитию Суэцкого канала (*Suez Canal Corridor Development Project*), который должен был принести военным колоссальные дивиденды. Попытка правительства М. Мурси вывести данный проект из-под прямого контроля военных стала одним из главных триггеров военного переворота, в результате которого президент от «Братьев-мусульман» был свергнут (The Officers Republic... 2018: 10).

Политика нового Президента Египта Абдул-Фаттаха Ас-Сиси (2014 г. – по настоящее время), являющегося видным представителем военных кругов, также ориентирована на сохранение и расширение привилегий армии и ее ведущих позиций в экономике страны. Джессика Нолл (Noll 2017: 3-4) в своем исследовании показывает усиление влияния военных в следующих важнейших секторах экономики:

1. *Производство и снабжение населения продуктами питания и товарами первой необходимости.* Одно из ключевых изменений в этой сфере было связано с передачей в 2016 г. в сферу компетенции Министерства обороны и военной промышленности системы

распределения субсидированных продуктов, в которой военный сектор экономики получил возможность участвовать в качестве производителя и поставщика.

2. *Энергетика.* В 2016 г. Министерство обороны и военной промышленности анонсировало создание совместно с Министерством нефти и минеральной промышленности, а также Министерством электричества и энергетики компании, специализирующейся на техническом обслуживании государственных электростанций. Военные выступают в качестве генерального подрядчика в сфере строительства газовых и угольных электростанций, производят и устанавливают оборудование для солнечной и ветроэнергетики, для чего в 2013 г. Арабской организацией индустриализации была создана профильная производственная компания.

3. *Строительство и инфраструктурные проекты.* Военные получили под свой контроль или стали одним из ведущих участников грандиозных мегапроектов, таких как проекты по развитию Суэцкого канала, развитию Экономической зоны Суэцкого канала, которая по замыслу должна стать международным логистическим хабом, а также проект по строительству новой столицы Египта.

Таким образом, при режиме А.-Ф. Ас-Сиси, который легитимирован его повторным избранием на должность президента весной 2018 г., очевиден устойчивый тренд на закрепление сложившейся системы рентных привилегий и расширение автономии военного сословия, что обеспечивается не только в рамках неформальных практик распределения и перераспределения каналов доступа к получению ренты, но и в правовых рамках. Вместе с тем рентно-сословная модель общества, формирующаяся на всем протяжении постколониальной истории Египта, сопряжена с неизбежным обострением проблемы коррупции, поскольку последняя является структурным элементом подобной модели. Как отмечает В.С. Мартьянов, «вопреки современной политической риторике коррупция ...» становится здесь «...общепринятой и легитимной сословно-статусной рентой» (Мартьянов 2016а: 31). Он показывает, что в рентно-сословной модели общества государство выстраивает и специфическую логику противодействия коррупции, которая предполагает разные стандарты для разных сословий и прин-

ципиально отличается от публичной антикоррупционной риторики. «Огромный объем коррупции служилого сословия (здесь) просто легитимируется как источник дохода, положенный ему по статусу, а потому выводимый из-под действия предназначенных остальному обществу норм закона, социальных норм и нелиберальных принципов экономической конкуренции и прозрачности» (Мартьянов 2016а: 36). Политическая практика Египта от Г.А. Насера до А.-Ф. Ас-Сиси лишь подтверждает этот тезис. Детальный анализ практик борьбы с коррупцией в государственных структурах на этом временном отрезке показывает, что в основном они использовались с целью исключения неумодных из сферы политического и экономического влияния, демонстрационного эффекта или символического наказания.

Противоречия египетской антикоррупционной политики в контексте становления рентно-сословного общества. Фундаментальное противоречие антикоррупционной политики Египта на всем протяжении его постколониальной истории заключается в принципиальном несоответствии между развитием законодательства и институтов, направленных на борьбу с коррупцией, и их функционированием на практике, обусловленным структурными особенностями складывающейся в обществе системы рентно-сословных отношений. Например, ведущие антикоррупционные структуры Египта, такие как Центральная аудиторская организация (1964), Агентство административного контроля (1964), Административная прокуратура (1958), Управление по контролю за незаконными доходами (1975) (Wombolt, Paterson, Horpps 2018: 9), были созданы еще при Г.А. Насере и А. Садате с целью противодействия коррупции в числе прочего и в государственных структурах, однако исторически их деятельность носила и продолжает носить ограниченный характер, фактически не затрагивая наиболее привилегированное сословие – армию.

Особенно ярко специфика подхода государства к выстраиванию антикоррупционной политики в условиях сложившегося в Египте рентно-сословного общества проявилась в период правления Президента А.-Ф. Ас-Сиси, поскольку, придя к власти на волне революции, одним из основных и хорошо артикулированных требований которой стало искоренение коррупции, новый режим вынужден, с одной стороны, подкреплять собственную антикоррупционную риторику реальными действиями, а с другой –

обеспечивать и усиливать правовую автономию своего опорного сословия. В обозначенном контексте довольно четко вырисовывается демаркационная линия между гражданской и военной сферами, которые фактически оказываются в разных правовых плоскостях.

Так, в сфере гражданской наблюдается расширение нормативной базы антикоррупционной политики, в рамках которого принципиальное значение имеет установка на борьбу с коррупцией, обозначенная в статье 218 новой Конституции Египта, принятой в 2014 г. (Конституция Египта 2014: ст. 218), а также фиксация на конституционном уровне статуса Центральной аудиторской организации, за которой закреплена «ответственность за контроль средств государства, государственных лиц и других органов» (ст. 219) (Конституция Египта 2014: ст. 219). Другими заметными шагами в указанном направлении стали принятие в 2014 г. национальной антикоррупционной стратегии (Wickberg 2015: 6); утверждение в 2014 г. Кодекса поведения государственных служащих (Wickberg 2015: 7); внесение в 2015 г. поправок в Закон «О незаконных доходах» 62/1975, расширяющих полномочия Управления по контролю за незаконными доходами (Bahaa-Eldin 2015); внесение в 2018 г. поправок в Уголовный кодекс Египта (ст. 106; параграф 2 ст. 111), устанавливающих уголовную ответственность за получение взятки иностранным должностным лицом или должностным лицом международной организации, а также за дачу взятки такому лицу (Ebeid 2018).

Практическое подкрепление антикоррупционной риторики Президента А.-Ф. Ас-Сиси нашла в довольно многочисленных арестах по обвинениям в коррупции, в том числе высокопоставленных чиновников, бывших и действующих, среди которых – вице-губернатор Александрии, бывший министр жилищного строительства, министр сельского хозяйства и некоторые другие (Administrative Control Authority). Однако, как отмечает Ассем Абдель Муати, бывший заместитель руководителя Центральной аудиторской организации, эти задержания являются в основном пропагандистским трюком власти (Hamama 2015). Оценивая антикоррупционную деятельность Агентства административного контроля, которое производит данные аресты, эксперт Института Карнеги Амр Адли приходит к выводу, что, будучи созданным при Президенте Г.А. Насере с

целью контроля за административным аппаратом государства и оппонентами Насера, Агентство продолжает выполнять ту же функцию и сегодня (Намама 2015).

Отдельная группа антикоррупционных кейсов связана с представителями политической элиты режима Х. Мубарака – с самим бывшим президентом, его сыновьями, министром внутренних дел, министром туризма в правительстве Мубарака и другими высокопоставленными должностными лицами (Anti-Corruption Digest). Очевидно, что эти процессы несут в себе оттенок символического наказания, которое призвано обозначить победу над старым режимом и продемонстрировать обществу решительное намерение нового режима порвать с коррупционным прошлым.

Таким образом, процессы, протекающие в гражданской сфере, создают некоторый эффект открытости нового режима и его готовности к модернизации государства и демократизации общественных отношений. Однако их ограниченность обнаруживается при рассмотрении изменений, затрагивающих военную сферу и демонстрирующих обратную тенденцию на закрепление прежней системы рентных привилегий, которая неизбежно сопряжена с коррупцией.

Наиболее отчетливо данная тенденция проявляется в существенном расширении правовой автономии военного сословия, которое фактически выводится из-под какого-либо гражданского контроля. Эта автономия закрепляется на конституционном уровне, в статье 204, дающей эксклюзивное право военным судам осуществлять судопроизводство «по всем преступлениям, связанным с вооруженными силами, их офицерами, персоналом и другими подобными лицами...» (Конституция Египта, 2014: ст. 204). Необходимо отметить, что эта норма дополнительно закрепляет поправки к Закону «О военной юстиции» 1966 г., принятые в апреле 2012 г. во время переходного периода, когда государством управлял Высший Совет Вооруженных Сил, и утвердившие исключительную юрисдикцию военной юстиции в отношении дел, связанных с незаконными доходами военных офицеров (The Officers' Republic... 2018: 17).

Вместе с тем статья 204 Конституции обеспечивает военное сословие дополнительными механизмами для защиты своих привилегий и интересов. Как отмечает М.А. Сапронова, согласно данной статье «(военному) судопроизводству могут

быть подвергнуты и гражданские лица, если их действия представляют прямую угрозу военным учреждениям и их деятельности, военным или приграничным зонам, их оборудованию, оружию, амуниции, документации, содержащей военные секреты, военным фондам, а также персоналу вооруженных сил при выполнении ими своих обязанностей. Важно подчеркнуть, что военная юстиция может рассматривать и преступления, носящие коррупционный характер. Совершенно очевидно, что в таком виде эта статья может иметь очень широкое правоприменение на практике» (Сапронова 2014). Подтверждением этому мнению служит резонансное дело бывшего главы Центральной аудиторской организации Хишама Генейны, обвиненного в распространении сведений, наносящих вред вооруженным силам, которое рассматривалось военным судом. Х. Генейна был задержан после своего заявления в прессе о наличии у Сами Анана, бывшего начальника Генерального штаба Вооруженных сил Египта, намеревавшегося участвовать в президентских выборах 2018 г., документов, подтверждающих причастность высших военных чинов к коррупционным делам и убийству протестующих в ходе событий 2011 г. (Egypt Ex-Anti-Corruption Official... 2018).

Откровенным шагом на пути закрепления правовой автономии военного сословия явилось принятие в июле 2018 г. билля, гарантирующего судебный иммунитет для высших военных чинов, круг которых определяется президентом, при совершении ими любых действий во время исполнения своих служебных обязанностей в период с момента приостановки действия прежней Конституции в июле 2013 г. до возобновления работы парламента в январе 2016 г. (Al-Abd 2018). Данный акт можно рассматривать в качестве послания, заверяющего военное сословие в готовности режима до конца отстаивать его интересы.

Намерения Президента Ас-Сиси усилить позиции военного сословия как своей политической опоры реализованы также в придании конституционного статуса Высшему совету вооруженных сил в статье 200 Конституции (Конституция Египта, 2014: ст. 200). Введение данной нормы в Конституцию Египта является беспрецедентным (Сапронова 2014) и, как представляется, отражает установку нового режима на легитимацию этого военного института в качестве полноправного участника политического процесса.

* * *

В целом очевидно, что решение проблемы египетской коррупции оказывается замкнутым в кольце противоречий и апорий специфической ситуации современного Египта, который преодолевает сложный путь от постколониального государства к государству современному, будучи обремененным постоянным сопротивлением исламистских сил, стремящихся перекроить государство по антимодерным лекалам. Вынужденное в условиях этого перманентного противостояния опираться на свой наиболее устойчивый современный институт – армию и наиболее мобилизованное военное сословие, государство санкционирует формирование крайне асимметричной системы рентных привилегий, которая обеспечивает ему относительную стабильность. Таким образом, египетское государство, основанное на хрупком консенсусе между политическими и военными элитами, в своем движении к современному состоянию продолжает воспроизводить себя как естественное государство (Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011), неотъемлемым элементом которого выступает коррупция. В этом контексте, вопреки риторике и обещаниям, государство оказывается неспособным решить проблему коррупции, поскольку для него это возможно лишь через «преобразование сословного государства в гражданское, а рентных механизмов распределения ресурсов – в рыночные» (Мартьянов 2016а: 31), то есть через переход от естественного порядка к порядку свободного доступа. Однако, подорвав сложившуюся систему рентных привилегий и лишившись лояльности военного сословия, государство способно поставить под угрозу собственное существование.

Материал поступил в редколлегию 10.11.2019 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Иванова Е.А. 2011. Политическая модернизация Арабского Востока: между модернизацией и консервативной революцией // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Вып. 11. С. 419-433.
- Кондрашов П.Н., Вахрушева Е.А. 2015. наброски к истолкованию диалектики Фредрика Джеймисона // Vox. Филос. журн. № 19. С. 190-207.
- Мартьянов В.С. 2016а. Коррупция и сословно-статусная рента в России // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сб.

тр. по итогам Второй Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург : УрО РАН. С. 31-48.

Мартыанов В.С. 2016b. Рентно-сословная трансформация российского общества // Неприкоснов. запас. Дебаты о политике и культуре. № 5 (109). С. 106-124.

Мартыанов В.С. 2017. Политический порядок Модерна в контексте рентной трансформации капитализма // Полит. концептология. № 3. С. 54-66.

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. 2011. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М. : Изд-во Ин-та Гайдара. 480 с.

Сапронова М.А. 2014. Новая конституция Египта: конец играм в ислам [Электронный ресурс], 19 янв. URL: <http://www.iimes.ru/?p=19422> (дата обращения: 24.10.2018).

Царегородцева И.А. 2017. Исламисты в политике Египта и Туниса после «арабской весны» // *Islamology*. Т. 7, № 1. С. 122-137.

Administrative Control Authority [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aca.gov.eg/english/News/ACANews/Pages/default.aspx> (дата обращения: 24.10.2018).

Al-Abd R. 2018. Military Top Brass Get Impunity for Acts Committed during Transitional Period [Электронный ресурс], July 04. URL: <https://madamasr.com/en/2018/07/04/feature/politics/military-top-brass-get-impunity-for-acts-committed-during-transitional-period/> (дата обращения: 24.10.2018).

Alavi H. 1979. The State in Postcolonial Societies: Pakistan and Bangladesh // *Politics and State in the Third World* / ed. Harry Goulbourne. London : Macmillan. P. 38-69.

Amin G. 2011. Egypt in the Era of Hosni Mubarak, 1981–2011. Cairo : The American Univ. in Cairo Press. 180 p.

Anti-Corruption Digest [Электронный ресурс]. URL: <https://anticorruptiondigest.com/news-topics/egypt/page/6/#axzz5X2RVm7DD> (дата обращения: 24.10.2018).

Arafat A.A.-D. 2017. The Rise of Islamism in Egypt. Palgrave Macmillan. 295 p.

Ayubi N.N. 1996. Over-Stating the Arab State: Politics and Society in the Middle East. London : New York : I.B. Tauris Publishers. 320 p.

Bahaа-Eldin Z. 2015. Egypt: Why Amend the Illicit Gains Law Now? [Электронный ресурс], Dec. 25. URL: <http://english.ahram.org.eg/NewsContentP/4/177401/Opinion/Egypt-Why-amend-the-illicit-gains-law-now.aspx> (дата обращения: 24.10.2018).

Corruption Perceptions Index 2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.transparency.org/cpi2011/results> (дата обращения: 24.10.2018).

Corruption Perceptions Index 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2017#table (дата обращения: 24.10.2018).

Dabashi H. 2012. The Arab Spring: The End of Postcolonialism. London : New York : Zed Books. 150 p.

Dekmejian R.H. 1971. Egypt under Nasir: A Study in Political Dynamics. Albany : State Univ. of New York Press. 368 p.

Ebeid O. 2018. Substantial Amendments to Egypt's Criminal Code [Электронный ресурс], March 20. URL: <https://www.gide.com/en/actualites/>

substantial-amendments-to-egypts-criminal-code-0 (дата обращения: 24.10.2018).

Egypt Ex-Anti-Corruption Official to Face Military Trial [Электронный ресурс], 2018. URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20180413-egypt-ex-anti-corruption-official-to-face-military-trial/> (дата обращения: 24.10.2018).

Намама М. 2015. Can the Administrative Control Authority Really Fight Corruption in Egypt? [Электронный ресурс], Sept. 12. URL: <https://madamasr.com/en/2015/09/12/feature/politics/can-the-administrative-control-authority-really-fight-corruption-in-egypt/> (дата обращения: 24.10.2018).

Hinnebusch R.A. 1983. From Nasir to Sadat: Elit Transformation in Egypt // J. of South Asian and Middle Eastern Studies. Vol. 8, № 1. P. 24-49.

Jankowski J.P. 2001. Nasser's Egypt, Arab Nationalism, and the United Arab Republic. Boulder, Colo. : Lynne Rienner Pub. 230 p.

Marshall S. 2015. The Egyptian Armed Forces and the Remaking of an Economic Empire. Washington : Carnegie Endowment for International Peace. 28 p.

Mitchell R.P. 1993. The Society of the Muslim Brothers. New York : Oxford Univ. Press. 392 p.

Nassif H.B. 2013. Wedded to Mubarak: the Second Careers and Financial Rewards of Egypt's Military Elite, 1981-2011 // The Middle East Journal. Vol. 67, № 4. Autumn. P. 509-530.

Noll J. 2017. Egypt's Armed Forces Cement Economic Power // SWP Comments.5. February [Электронный ресурс]. URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/comments/2017C05_nll.pdf (дата обращения: 24.10.2018).

Peleg I., Mendilow J. 2014. Corruption and the Arab Spring. Comparing the Pre- and Post-Spring Situation // Corruption in the Contemporary World: Theory, Practice and Hotspots / eds. Jonathan Mendilow and Ilan Peleg. London : Lexington books. P. 99-115.

Satloff R.B. 1988. Army and Politics in Mubarak's Egypt / The Washington Institute for Near East Policy. 62 p. (Policy Papers ; № 10).

The Officers' Republic: the Egyptian Military and Abuse of Power, 2018. Transparency International Defence and Security. March. 21 p.

TI Corruption Perception Index 1996 [Электронный ресурс] URL: https://www.transparency.org/files/content/tool/1996_CPI_EN.pdf (дата обращения: 24.10.2018).

Wickberg S. 2015. Overview of Corruption and Anti-Corruption in Egypt [Электронный ресурс], May 5. URL: https://www.transparency.org/files/content/corruptionqas/Country_profile_Egypt_2015.pdf (дата обращения: 24.10.2018).

Wombolt K., Paterson S., Hopps B. 2018. Anti-Corruption Regulations. The Middle East. Legal Guide. Herbert Smith Freehills. 62 p.

Конституция Египта [Электронный ресурс], январь 2014. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=1013&page=4> (дата обращения: 24.10.2018).

Evgenia A. Vakhrusheva, Candidate of Political Science, Junior Researcher, Department of Philosophy, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia. E-mail: snowdrop7j@gmail.com

CORRUPTION AND ANTI-CORRUPTION POLICY IN EGYPT BEFORE AND AFTER “ARAB SPRING”: WITHIN VICIOUS CIRCLE OF EGYPTIAN MODERNIZATION

Abstract. The article analyzes combination of factors that had determined the development of corruption in Egypt in the postcolonial period of its history, taking into account the specific socio-political situation before and after the events of the “Arab Spring”, which is regarded as an attempt to finally break with the colonial past, and to overcome the postcolonial inertia. It is shown that the structural prerequisites of the problem of corruption in contemporary Egypt are determined mainly by the formation of an asymmetric system of rental privileges, and an estate-based society sanctioned by the state. The core of this system is formed by the military estate, which is regarded by the state as its main ally in the “zero-sum game,” wherein the anti-modern Islamist forces are the rival that threaten the very existence of the state. In this regard, it is argued that solution to the problem of Egyptian corruption is locked within a circle of contradictions and aporias of the specific type of Egypt’s modernity where the state is still on the way of transition from the postcolonial condition to the modern one challenged by persistent resistance of anti-modern forces. With this permanent confrontation, the state has to rely on its most modernized institution – the army, and the most mobilized military estate promoting the formation of an extremely asymmetric system of rental privileges, which provides relative stability. Thus, being based on a fragile consensus between political and military elites, the Egyptian state continues to reproduce itself as a natural state (North, Wallis, Weingast), which incorporates corruption as an integral element. As a result, the Egyptian state finds itself in a vicious circle, because in order to overcome the problem of corruption as an important condition for the healthy functioning of any modern state it needs to overcome the existing order of estates, as well as to move from the rental mechanisms toward the market ones. At the same time, the author concludes that by undermining the existing system of rental privileges, and depriving the loyalty of the military estate the state might endanger its own existence.

Keywords: Egypt; postcolonial state; modern state; anti-modern forces; “Arab Spring”; corruption; anti-corruption policy; military estate; estate-based society; system of rental privileges.

References

Administrative Control Authority, available at: <http://www.aca.gov.eg/english/News/ACANews/Pages/default.aspx> (accessed October 24, 2018).

Al-Abd R. *Military Top Brass Get Impunity for Acts Committed during Transitional Period*, July 4, 2018, available at: <https://madamasr.com/en/2018/07/04/feature/politics/military-top-brass-get-impunity-for-acts-committed-during-transitional-period/> (accessed October 24, 2018).

Alavi H. *The State in Postcolonial Societies: Pakistan and Bangladesh*, Goulbourne H. (ed.) *Politics and State in the Third World*, London, Macmillan, 1979, pp. 38-69.

Amin G. *Egypt in the Era of Hosni Mubarak, 1981–2011*, Cairo, The American Univ. in Cairo Press, 2011, 180 p.

Anti-Corruption Digest, available at: <https://anticorruptiondigest.com/news-topics/egypt/page/6/#axzz5X2RVm7DD> (accessed October 24, 2018).

Arafat A.A.-D. *The Rise of Islamism in Egypt*, Palgrave Macmillan, 2017, 295 p.

Ayubi N.N. *Over-Statting the Arab State: Politics and Society in the Middle East*, London, New York, I.B. Tauris Publishers, 1996, 320 p.

Bahaa-Eldin Z. *Egypt: Why Amend the Illicit Gains Law Now?* Dec. 25, 2015, available at: <http://english.ahram.org.eg/NewsContentP/4/177401/Opinion/Egypt-Why-amend-the-illicit-gains-law-now.aspx> (accessed October 24, 2018).

Corruption Perceptions Index 2011, available at: <https://www.transparency.org/cpi2011/results> (accessed October 24, 2018).

Corruption Perceptions Index 2017, available at: https://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2017#table (accessed October 24, 2018).

Dabashi H. *The Arab Spring: The End of Postcolonialism*, London, New York, Zed Books, 2012, 150 p.

Dekmejian R.H. *Egypt under Nasir: A Study in Political Dynamics*, Albany, State Univ. of New York Press, 1971, 368 p.

Ebeid O. *Substantial Amendments to Egypt's Criminal Code*, March 20, 2018, available at: <https://www.gide.com/en/actualites/substantial-amendments-to-egypts-criminal-code-0> (accessed October 24, 2018).

Egypt Ex-Anti-Corruption Official to Face Military Trial, 2018, available at: <https://www.middleeastmonitor.com/20180413-egypt-ex-anti-corruption-official-to-face-military-trial/> (accessed October 24, 2018).

Hamama M. *Can the Administrative Control Authority Really Fight Corruption in Egypt?* Sept. 12, 2015, available at: <https://madamasr.com/en/2015/09/12/feature/politics/can-the-administrative-control-authority-really-fight-corruption-in-egypt/> (accessed October 24, 2018).

Hinnebusch R.A. From Nasir to Sadat: Elit Transformation in Egypt, *J. of South Asian and Middle Eastern Studies*, 1983, vol. 8, no. 1, pp. 24-49.

Ivanova E.A. *Politicheskaya modernizatsiya Arabskogo Vostoka: mezhdru modernizatsiy i konservativnoy revolyutsiy* [Political Modernization in the Arab East: between the State and Conservative Revolution], *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, 2011, iss. 11, pp. 419-433. (in Russ.).

Jankowski J.P. *Nasser's Egypt, Arab Nationalism, and the United Arab Republic*, Boulder, Colo., Lynne Rienner Pub., 2001, 230 p.

Kondrashov P.N., Vakhrusheva E.A. *Nabroski k istolkovaniyu dialektiki Fredrika Dzheymisona* [Approaching the Interpretation of Dialectics of Fredric Jameson], *Vox. Filosofskiy zhurnal*, 2015, no. 19, pp. 190-207. (in Russ.).

Konstitutsiya Egipta, yanvar' 2014 [Constitution of Egypt, January, 2014], available at: <https://worldconstitutions.ru/?p=1013&page=4> (accessed October 24, 2018). (in Russ.).

Marshall S. *The Egyptian Armed Forces and the Remaking of an Economic Empire*, Washington, Carnegie Endowment for International Peace, 2015, 28 p.

Martyanov V.S. *Korruptsiya i soslovno-statusnaya renta v Rossii* [Corruption and Caste Revenue], Rudenko V.N. (red.) *Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korruptsii: sb. tr. po itogam Vtoroy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem*, Ekaterinburg, UrO RAN, 2016, pp. 31-48. (in Russ.).

Martyanov V.S. *Politicheskii poryadok Moderna v kontekste rentnoy transformatsii kapitalizma* [The Political Order of Modernity in the Context of Rental Transformation of Capitalism], *Politicheskaya kontseptologiya*, 2017, no. 3, pp. 54-66. (in Russ.).

Martyanov V.S. *Rentno-soslovnaya transformatsiya rossiyskogo obshchestva* [The Rent-Estate Transformation of Russian Society], *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*, 2016, no. 5 (109), pp. 106-124. (in Russ.).

Mitchell R.P. *The Society of the Muslim Brothers*, New York, Oxford Univ. Press, 1993, 392 p.

Nassif H.B. Wedded to Mubarak: the Second Careers and Financial Rewards of Egypt's Military Elite, 1981-2011, *The Middle East Journal*, 2013, vol. 67, no. 4, autumn, pp. 509-530.

Noll J. Egypt's Armed Forces Cement Economic Power, *SWP Comments*, 5, February, 2017, available at: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/comments/2017C05_nll.pdf (accessed October 24, 2018).

North D., Wallis J., Weingast B. *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoy istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History], Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaydara, 2011, 480 p. (in Russ.).

Peleg I., Mendilow J. Corruption and the Arab Spring. Comparing the Pre- and Post-Spring Situation, Mendilow J., Peleg I. (eds.) *Corruption in the Contemporary World: Theory, Practice and Hotspots*, London, Lexington books, 2014, pp. 99-115.

Sapronova M.A. *Novaya konstitutsiya Egipta: konets igras v islam* [New Constitution of Egypt: the Games with Islam are over], January 19, 2014, available at: <http://www.iimes.ru/?p=19422> (accessed October 24, 2018). (in Russ.).

Satloff R.B. *Army and Politics in Mubarak's Egypt*, The Washington Institute for Near East Policy, 1988, 62 p. (Policy Papers ; No. 10).

The Officers' Republic: the Egyptian Military and Abuse of Power, Transparency International Defence and Security, 2018, March, 21 p.

TI Corruption Perception Index 1996, available at: https://www.transparency.org/files/content/tool/1996_CPI_EN.pdf (accessed October 24, 2018).

Tsaregorodtseva I.A. *Islamisty v politike Egipta i Tunisa posle «arabskoy vesny»* [The Islamists in Politics in Egypt and Tunisia after "Arab Spring"], *Islamology*, 2017, vol. 7, no. 1, pp. 122-137. (in Russ.).

Wickberg S. *Overview of Corruption and Anti-Corruption in Egypt*, May 5, 2015, available at: https://www.transparency.org/files/content/corruptionqas/Country_profile_Egypt_2015.pdf (accessed October 24, 2018).

Wombolt K., Paterson S., Hopps B. *Anti-Corruption Regulations. The Middle East. Legal Guide*, Herbert Smith Freehills, 2018, 62 p.